

ИНСТРУКЦИИ

ПРОЧИТАЙТЕ В ОДИНОЧЕСТВЕ

ЮРЧЕНКОВ В.А.

Владислав Юрченков

Инструкции

«Автор»

2026

Юрченков В. А.

Инструкции / В. А. Юрченков — «Автор», 2026

Что делать, если умный дом, телефон и даже кухонная духовка начинают отдавать приказы? Максим Орлов — оператор кризисного центра. Он привык спасать людей по телефону, но однажды система обращается к нему лично. На всех экранах в доме появляется требование: доставить десятилетнего сына к поезду без номера. В случае отказа погибнет вся семья. Ошибка алгоритма? Масштабная хакерская атака? Или нечто гораздо более страшное, способное стирать людей из самой реальности? Чтобы спасти сына, Максиму придется бросить вызов системе, которая знает о его прошлом больше, чем он сам. Но готов ли он заплатить цену, которую потребует таинственная дверь шестого вагона?

© Юрченков В. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Четыре человека	6
Глава 2. Другой исполнитель	17
Глава 3. Стук из багажника	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Владислав Юрченков

Инструкции

Инструкции

Глава 1. Четыре человека

Максим Орлов опоздал к семейному ужину на сорок семь минут и пришёл как раз вовремя, чтобы услышать:

— Папа обещал.

— Папа много чего обещал.

Он задержался в прихожей. Анна не кричала; на кухне звякнула вилка, потом зашуршал пакет. Если бы жена повысила голос, Максим вошёл бы сразу. С таким голосом спорить он не умел.

— Я дома, — сказал он, снимая ботинки.

Миша выбежал навстречу с бумажной ракетой. На корпусе было написано «НА МАРС», под соплом висели два разноцветных провода. Сын протянул ракету так осторожно, словно она уже была заправлена и могла взорваться.

— Не работает. Я всё соединил, как ты показывал.

— Сейчас посмотрим.

— Ты вчера тоже так сказал.

Максим хотел потрепать его по голове, но Миша отвернулся к кухне. Десять лет — уже достаточно, чтобы обижаться, и ещё недостаточно, чтобы не ждать, когда отец всё исправит.

На столе стояла остывшая курица. Вера сидела у окна, поджав ногу, и переписывалась с кем-то под столом. Перед Анной лежал телефон Максима: утром он оставил его на зарядке и весь день ходил с рабочим. Семь пропущенных из центра кризисной помощи.

— Я только помою руки, — сказал он.

— И поешь, — ответила Анна.

Он вернулся через минуту. Миша успел принести батарейки, маленький мотор и инструкцию из школьного набора. На рисунке картонная ракета поднималась над столом на воздушной струе. В жизни мотор даже не жужжал.

— Завтра конкурс, — напомнил сын.

— Знаю. До десяти сделаем.

Анна отрезала себе кусок курицы. Нож скользнул по коже и упёрся в тарелку.

— Не обещай время, если не собираешься оставаться.

— Я собираюсь.

— Хорошо.

От этого «хорошо» Максим почувствовал себя хуже, чем от упрёка. Он положил телефон экраном вниз и взял вилку.

За спиной Веры, у двери её комнаты, стояли две коробки. На одной маркером было написано «ПОСУДА». Максим видел их утром, но тогда решил спросить вечером.

— Ты переезжаешь?

— Нет, пап. Открываю пункт выдачи.

— Я серьёзно.

— Я тоже. На следующей неделе. Мы уже говорили.

Анна не подняла головы. Значит, говорили все, кроме него.

— Куда?

— К Лере. У неё соседка съехала. До работы ближе.

Вера четыре месяца работала младшим инженером в сетевой компании. Она объясняла отцу про резервные вводы и переключения, он кивал, а потом спрашивал, не замёрзла ли она на подстанции. Вера перестала объяснять.

Телефон завибрировал. Максим видел только край корпуса, но уже знал, кто звонит.

— Не бери, — сказала Анна.

Он дождался, пока звонок закончится. Миша придвинул к нему мотор.

— Тут что-то с проводом. Я не отрывал. Он сам.

Максим поднёс мотор к свету. На пайке был виден крошечный тёмный кружок.

— Контакт отошёл. Паяльник где?

— Я достану!

Миша вскочил так быстро, что качнулся стол. Вера придержала его стакан. Телефон снова зазвонил.

— Господи, — сказала она. — У них что, других людей нет?

— Есть, — ответил Максим.

— Тогда пусть звонят им.

Он не ответил. Анна отложила нож.

— Возьми.

— Ты только что сказала...

— Возьми, Макс. А то будешь сидеть здесь и слушать, как там кто-нибудь умирает без тебя.

— Это моя работа.

— Твоя работа — отвечать людям на смене. Сегодня у тебя выходной.

Миша вернулся с коробкой инструментов. Остановился у стола.

Максим взял телефон.

— Орлов.

Начальник смены Сергей Лавров говорил без приветствия. Один оператор заболел, второго после аварии увезла скорая. Девять человек на ожидании. Мужчина, тридцать четыре года, грозит выйти через окно и соглашается говорить только с мужчиной.

— Я на другом вызове, — сказал Сергей. — Некого посадить. Ты сколько ехать будешь?

Максим поднял глаза на Анну. Она смотрела в тарелку.

— Минут двадцать пять.

— Спасибо. Только не задерживайся, он уже дважды отключался.

Миша опустил коробку на стул. Кусачки звякнули о паяльник.

— Я вернусь, — сказал Максим, убирая телефон.

— До десяти? — спросил сын.

Ответ застрял. Он мог успеть. Если разговор займёт двадцать минут, если дороги свободны, если больше никто не позвонит. У него всегда находились эти «если» — уже потом, когда объяснял, почему не получилось.

— Постараюсь.

— А мотор?

— Пока не трогай. Там пайка, обожжёшься.

— Я знаю.

Вера отодвинула от брата коробку.

— Я с ним посижу.

Максим хотел поблагодарить, но дочь уже отвернулась. Он ушёл надевать куртку.

Анна вышла следом. На тумбе под зеркалом лежал белый конверт с логотипом клиники. Она убрала его под перчатки, когда Максим потянулся за ключами.

— Что это?

— Документы. Нам надо будет поговорить.

— Сейчас?

— Нет. Сейчас ты едешь.

Он выпустил ключи из руки.

— Ань, если бы там не было...

— Я знаю, что там. Я даже не злюсь на того мужчину.

На кухне Миша спросил у Веры, умеет ли она паять. Дочь ответила, что на работе ей не выдают волшебную палочку.

— Ты помнишь, какой завтра день? — спросила Анна.

Он помнил. Четырнадцатое октября давно начиналось для него не с календаря, а с того, что не хотелось вставать. На следующий день, пятнадцатого, была годовщина смерти Лизы Корнеевой.

Два года назад он почти три часа разговаривал с шестнадцатилетней девочкой на крыше недостроенного торгового центра. Лиза шагнула от края, и он выдохнул. Спасатели уже поднимались. Потом она спросила, будет ли больно, и до конца вопроса Максим успел решить, что теперь может ответить честно.

Она прыгнула раньше, чем он ответил.

После этого он ушёл из выездной группы. Полгода не работал, затем устроился на телефонную линию. Там не было края крыши. Зато оставалась кнопка, которую можно нажать, когда кому-то плохо.

— Помню, — произнёс он.

— Я не прошу тебя забыть её. Я прошу ужинать дома. Иногда.

Он кивнул и взял ключи.

Когда дверь закрывалась, Анна сказала:

— Миша не будет ждать вечно.

* * *

В 20:58 по московскому времени подросток из Сеула выложил фотографию сообщения на телефоне. Его попросили выйти из квартиры и дождаться человека с красным зонтом.

За первые три минуты фотографию посмотрели двенадцать человек.

В 21:08 похожие снимки уже выкладывали в Варшаве, Торонто, Мумбаи и Новосибирске. Люди смеялись над странными заданиями, закрывали приложения, жаловались операторам связи. Один мужчина снял видео, как разбивает телефон молотком. На последнем кадре под треснувшим стеклом ещё светились буквы.

* * *

Максим вошёл в центр в 21:14. Сергей сунул ему гарнитуру и на ходу кивнул на свободное место.

— Алексей. Больше ничего не сказал. Адрес отказывается называть. Только не начинай с анкеты, он от неё отключается.

В зале стоял запах растворимого кофе. У Оксаны за соседним столом на шее висела вторая гарнитура — её основная барахла уже неделю. На стенном телевизоре обсуждали футбольный матч, звук был выключен.

Максим сел. Над карточкой вызова горел счётчик ожидания: 00:17:42. Он подключился.

— Алексей, меня зовут Максим.

В ответ было дыхание, слишком громкое для человека, который сидит спокойно.

— Вы настоящий?

— Да.

— И вы меня не видите?

— Нет. У нас обычная телефонная линия.

— А камеру могут включить?

Максим отвёл микрофон чуть дальше от губ.

— У меня нет доступа к вашей камере. Вы можете убрать телефон экраном вниз, если так спокойнее.

Мужчина не ответил. На заднем плане работал телевизор: диктор, музыка, потом резкий щелчок.

— Вы сказали, что стоите возле окна, — продолжил Максим.

- Я соврал.
- Хорошо. Где вы?
- На кухне.
- Там кто-нибудь есть?
- Нет. Здесь вообще никого не бывает.

Максим открыл карточку и вписал имя. Не стал спрашивать, что означает последнее слово. Пока нужен был адрес.

- Сергей сказал, вам тридцать четыре.
- Наверное.
- Вы не уверены?
- По документам. Хотя документов я не нашёл.

Мужчина говорил без алкогольной вязкости. Осторожно подбирая слова, а когда Максим оставлял паузу, быстро добавлял что-нибудь, будто боялся потерять связь.

- Мне прислали сообщение. Только это не сообщение на телефоне. Оно на телевизоре.
- Прочитайте.
- Не могу. Написано, что нельзя рассказывать.
- Что будет, если расскажете?
- Не написано.
- Тогда пока не читайте. Расскажите, что происходит с вами.

В 21:18 Оксана выругалась. На её мониторе поверх программы открылся белый прямоугольник. Кнопки закрытия не было. Она нажала Escape, потом вызвала диспетчер задач.

- Серёж, ты это видишь?

Из дальнего конца зала ответили:

- У меня тоже вылезло.

Сергей подошёл к Оксане. На белом поле Максим успел прочитать только заголовок:
ПРОЧИТАЙТЕ В ОДИНОЧЕСТВЕ.

Когда Сергей наклонился над монитором, окно пропало.

- Ну конечно, — сказала Оксана. — Оно боится начальства.

Она развернула к нему телефон: собиралась сфотографировать экран. Телефон погас, затем на нём появился тот же белый заголовок.

- Не смешно уже.

Сергей выдернул сетевой кабель. Белое окно не вернулось, но внизу монитора мелькнула служебная строка: «КОНТУР. АВАРИЙНЫЙ ПАКЕТ. В. ВЕДЕНИН». Сергей прочитал её вслух человеку из технической службы и отошёл к двери.

— Похоже на атаку, — сказал он операторам. — Ничего не нажимаем. Чужие тексты не снимаем. По одному в переговорные, связь не бросать.

Максим повернулся к своему монитору. Карточки Алексея уже не было.

МАКСИМ СЕРГЕЕВИЧ ОРЛОВ.

ПРОЧИТАЙТЕ В ОДИНОЧЕСТВЕ.

Он прикрыл экран ладонью — бессмысленно, но сделал это прежде, чем успел подумать. Никто не смотрел.

НЕ ПОКАЗЫВАЙТЕ ТЕКСТ ДРУГИМ.

НЕ ПЫТАЙТЕСЬ ИЗМЕНИТЬ ЕГО СОДЕРЖАНИЕ.

В 23:40 ДОСТАВЬТЕ МИХАИЛА ОРЛОВА НА ТРЕТЬЮ ПЛАТФОРМУ КУРСКОГО ВОКЗАЛА.

ДОЖДИТЕСЬ ПОЕЗДА БЕЗ НОМЕРА.

МИХАИЛ ДОЛЖЕН ВОЙТИ В ВАГОН ОДИН.

Максим прочитал имя сына ещё раз. Первое объяснение нашлось сразу: базы. Школа, медицинская карта, паспортные сведения — при желании узнать можно всё. Он достал телефон, чтобы набрать Анну. На нём был тот же текст.

— Вы тоже получили? — спросил Алексей.

— Да.

— Теперь понимаете?

— Понимаю, почему вы испугались. Но это ещё не значит, что им нужно подчиняться.

Максим зажал кнопку выключения. Телефон погас. На чёрном стекле через секунду появилось:

НЕ ТРАТЬТЕ ВРЕМЯ.

Он прижал палец сильнее, пока не заболела подушечка. На экране ничего не изменилось.

— Мне велели выйти в 21:32, — сказал Алексей. — По лестнице. Между шестым и пятым этажами остановиться.

На часах монитора было 21:27.

— Почему вы не хотите выйти?

— Потому что уже выходил.

— Сегодня?

— Не помню. Не сегодня, наверное. Я не хочу туда снова.

Максим открыл техническую панель соединения. На несколько секунд белое поле ушло. Номер определился, вслед за ним появились полное имя и адрес: Алексей Викторович Мельников, Новогиреевская, 18, квартира 72.

Он достал из лотка лист для записок и записал адрес. Оксана остановилась рядом: её перегрузили в соседнюю кабину, она пришла за запасной гарнитурой.

— Его можно отправить в выездную? — шёпотом спросила она.

Максим кивнул на адрес, и девушка переписала его на оборот своей распечатки. На белом поле снова возникло имя Миши. Оксана уже отошла и его не увидела.

— Что вам угрожают сделать? — спросил Максим.

Алексей ответил не сразу.

— «Если в 21:32 вы останетесь в квартире, Алексей Мельников будет удалён».

— Мы останемся на линии. Я передам адрес коллегам.

— Вы сказали «мы останемся». Вы же можете выйти.

— Могу. Сейчас не выйду.

Мужчина коротко выдохнул. Максим слышал, как у него стукнули зубы о край чашки.

— Поставьте её. Горячая?

— Нет. В ней вода.

— На столе есть что-нибудь, чем вы можете себе навредить?

— Таблетки.

— Вы их приняли?

— Нет.

— Отодвиньте подальше. Можно на подоконник, если окно закрыто.

Он услышал, как по столу скользнул блистер. С другого конца зала кто-то говорил, что в интернете таких сообщений уже тысячи. На телевизоре вместо футбола включился экстренный выпуск. Бегущая строка просила не выполнять неизвестных указаний.

Максим повторил эти слова Алексею.

— Специалисты разбираются. Это не только у вас.

— А вы свою инструкцию выполните?

Он уставился на имя сына.

— Я никого не отправлю в неизвестный поезд.

— Тогда почему нельзя мне выйти из кухни? Может, это просто лестница.

Максим проверил адрес ещё раз. Поля были закрыты белым окном.

— Выйти вы можете. Я не могу решать за вас. Но я прошу сейчас остаться со мной. Вы сказали, что боитесь туда возвращаться.

— Боюсь, — повторил мужчина. — Галина не помнит, что я её сын. Я ей звонил. Назвался, а она сказала, что сына у неё нет. Ещё раз позвоню — заявит в полицию. Я ей рассказал про нашу синюю чашку. Чашку она помнит, а меня нет.

Максим перестал печатать.

— Эта чашка сейчас у вас?

— Она всегда здесь. Я не знаю как.

— Что на ней?

— Белая птица. Чайка, наверное. Второй стул сломан, его тоже никто не убирает.

21:31.

Сергей показал ему три пальца: ещё три человека на ожидании. Максим поднял руку — подожди. Он должен был сказать начальнику об адресе. Должен был позвонить Анне. На листе под его ладонью остались несколько слов: «чашка», «вода», «мать». Он дописал полное имя.

— Алексей, я здесь. Расскажите о птице. Крылья нарисованы в стороны?

— Одно вверх. Второе стёрлось.

— Вы давно пользуетесь этой чашкой?

— С детства.

На экране телефона возникло требование не подтверждать существование объекта. Максим положил его лицом вниз.

— Вы меня запомните? — спросил Алексей.

— Да.

— Не говорите так, если просто хотите, чтобы я досидел.

Максим сдвинул часы на край стола. До 21:32 оставалось девять секунд.

— У меня записан ваш адрес. Я запомню, что мы говорили. И чашку.

— Максим...

— Я слышу.

В наушниках щёлкнуло.

Счётчик соединения продолжал идти. Но больше не было ни дыхания, ни воды, ни телевизора. Максим прижал одну чашку гарнитуры к уху, проверил звук, сказал имя мужчины. Ответа не было.

Он нажал экстренную кнопку и позвал Сергея.

— Новогиреевская, восемнадцать, семьдесят два. Срочная проверка квартиры. Мужчина перестал отвечать.

— По какой линии?

Максим показал на монитор. Белое поле исчезло. Карточка вызова была пустой.

— Ты сам меня подключил. Алексей Мельников.

Сергей нахмурился.

— Я дал тебе свободное место.

— Ты сказал: тридцать четыре года, у окна.

— Макс, ты сел и молчал. Я ещё решил, что ждёшь подключения.

Максим поднял лист. Адрес остался. Над ним была пустая продавленная строка. Он развернул бумагу к свету — там, где только что написал имя, не осталось чернил.

Сергей отвёл его руку от лампы.

— Давай запись.

В архиве нашёлся один разговор. Максим услышал собственное приветствие, вопрос о камере, фразу про чашку. Между его словами тянулись паузы. Ответы Алексея исчезли.

Оксана пришла из кабины. Послушала полминуты, вынула из кармана свою распечатку.

— Адрес был вот этот. Я видела на мониторе. И имя. Мельников.

— Ты слышала его? — спросил Сергей.

— Нет. Я была на своём вызове.

Максим забрал её лист и приложил к своему. Адреса совпадали.

— Ну? — сказал он.

— Ну, адрес был на экране, — ответил Сергей. — Не буду спорить с этим. Но остальное надо проверять.

Он всё-таки передал запрос на выезд. В базе по квартире нашлась только Галина Петровна Мельникова, семьдесят один год. Ни сына, ни прежней регистрации Алексея.

Максим набрал Анну. Не ответила. Вера оказалась недоступна.

На телевизоре показывали мужчину, который смеялся в прямом эфире. Ему велели разбить окно до 21:40. Мужчина поставил на подоконник бутылку пива и предложил вирусу попробовать удалить его.

В 21:40 эфир оборвался. Через несколько секунд исчезли название канала и фотография. Оксана открыла запись в своём телефоне: та же пустая страница.

— Я его уже где-то видела, — сказала она. — Как его звали?

Никто не ответил.

Максим снял гарнитуру.

— Я домой.

Сергей не остановил. Только попросил позвонить, когда доедет.

* * *

Анна увидела своё сообщение, когда перекладывала курицу в контейнер. Духовка была выключена, но на дисплее вместо часов появилось её полное имя.

Она машинально проверила, не нажала ли локтем кнопку. Потом позвала Веру.

Текст пропал, едва дочь вошла на кухню.

— Там что-то было, — сказала Анна.

— Ошибка?

— Моё имя.

Вера подвинула контейнер, чтобы открыть дверцу.

— У неё вообще нет таких букв в меню. Ты уверена?

Анна показала на экран. Тот отображал 21:18. Она почувствовала нелепое раздражение: именно сейчас, когда хотела доказать, что ничего не придумала, показывать оказалось нечего.

— Иди к Мише. Я позову.

Дочь пожалала плечами и ушла. Через несколько секунд духовка вновь загорелась.

ПРОЧИТАЙТЕ В ОДИНОЧЕСТВЕ.

НЕ ПОКАЗЫВАЙТЕ ТЕКСТ ДРУГИМ.

НЕ ПОЗВОЛЯЙТЕ МИХАИЛУ ОРЛОВУ ПОКИНУТЬ КВАРТИРУ ДО 23:59.

МАКСИМ ОРЛОВ ДОЛЖЕН НАХОДИТЬСЯ В КВАРТИРЕ В 23:59.

НЕ СООБЩАЙТЕ МАКСИМУ О ВТОРОМ УСЛОВИИ.

Анна прочитала последние слова и первым делом потянулась к телефону. Чтобы позвонить мужу. На его имя в контактах была та фотография, которую он терпеть не мог: в лесу, с прищуренным от солнца лицом, Миша сидит у него на плечах.

Она не нажала кнопку вызова.

На кухонной стене щёлкнул автомат. Анна сама выключила его, чтобы обесточить духовку. Погас свет, замер холодильник. Дисплей остался белым.

Она отступила до дверного проёма. В темноте было слышно, как Миша объясняет Вере, куда надо вставить батарейки. Анна в который раз перечитала требование оставить его дома. Если забыть про странный экран, оно почти совпадало с тем, чего она хотела весь вечер.

На стекле возникли слова:

ВЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНЫ.

Она больше не пыталась отключать духовку. Вернула свет и позвала дочь.

— У тебя тоже? — спросила Вера с порога.

Анна поняла по её лицу, что вопрос про духовку уже не нужен.

— Покажи.

— Не показывает, когда рядом кто-то есть. Я проверила. И до загрузки ноутбука, и на телефоне. Роутер выключила — всё равно.

Вера провела ладонью по щеке. На пальце осталась чёрная полоса от клея: она успела приклеить Мише оторванный стабилизатор.

— Что у тебя написано?

Анна не ответила.

— Мам. Мы не можем вдвоём делать вид, что ничего нет.

— Мишу не выпускать до полуночи. Почти до полуночи.

— Куда выпускать? Зачем?

Из комнаты сына донёсся крик.

Они побежали вместе.

Телевизор перед Мишей светился белым. Игровой приставкой он больше не пользовался; сидел рядом, держал пульт обеими руками.

МИХАИЛ ОРЛОВ.

ВОЙДИТЕ В ПОЕЗД БЕЗ НОМЕРА.

НЕ ПОЗВОЛЯЙТЕ МАКСИМУ ВОЙТИ СЛЕДОМ.

ЕСЛИ ОН ВОЙДЁТ, В 23:55 ПОГИБНЕТ ВЕРА ОРЛОВА.

— Вер, — сказал Миша, не поворачивая головы. — Тут про тебя.

Дочь ухватила брата под мышки, посадила на кровать. Анна закрыла экран пледом, выдернула вилку. Буквы просвечивали через ткань.

Последняя строка появилась уже поверх первых:

ЕСЛИ МАКСИМ УЗНАЕТ ПРАВДУ ДО ОТПРАВЛЕНИЯ ПОЕЗДА, МИХАИЛ ОРЛОВ НИКОГДА НЕ РОДИТСЯ.

Анна бросила вилку на пол.

— Как это? — спросил Миша. — Я же уже родился.

— Вот именно, — сказала Вера. — Значит, оно врёт.

— А про тебя?

— И про меня тоже.

Она села рядом с братом. Прикрытый телевизор продолжал светить им в лица, и Анна увидела, как дочь читает последние слова ещё раз. Вера умела не задавать лишних вопросов. Сейчас не умела.

— Какую правду, мам?

— Мне надо найти отца.

— О чём он не знает?

Анна открыла контакт Максима. Вызов не пошёл: вместо фотографии появились её собственные условия.

Миша дёрнул сестру за рукав.

— Я не хочу тебя убивать.

— Ты и не будешь. Смотри на меня. Я сижу здесь. Ничего со мной не происходит.

Анна опустила перед сыном и стала натягивать на его босую ногу носок. Искала, чем занять руки; Миша позволил, хотя пятка оказалась сверху.

* * *

Когда Максим открыл входную дверь, никто не вышел его встречать.

Он нашёл всех в детской. Плед на телевизоре, Вера рядом с Мишей, Анна у кровати на полу. На телефоне время сменилось с 21:57 на 21:58.

— Я вам звонил.

— Не доходило, — сказала Анна.

— Сообщения пришли?

Вера приподняла край пледа. Под ним был обычный чёрный экран.

Максим ещё не снял куртку. Взялся за молнию, промахнулся, попробовал снова.

— Что требуют от тебя? — спросила Анна.

Он проверил, не стоит ли Миша слишком близко к телевизору.

— Ты сначала скажи.

— Макс.

— Доставить Мишу на вокзал. К поезду. В 23:40.

Жена встала.

— Нет.

— Я ещё ничего не собираюсь делать.

— Тогда скажи ему. Не мне.

Максим сел возле сына. Хотел обнять, но Миша держал ракету на коленях, между ними.

— Я не отправлю тебя одного. И ни с кем чужим.

— А сам войдёшь?

— Тебе что написали?

Миша прочитал по памяти. На словах про Веру сбился. Сестра подхватила, а последнюю угрозу закончила сама.

Максим повернулся к Анне.

Она сказала:

— Мне велели оставить Мишу дома до 23:59. И не говорить тебе про второе условие.

— Какое?

Анна посмотрела на часы над дверью.

— Ты тоже должен быть в квартире в 23:59.

— Ты поэтому не звонила?

— Я звонила. Потом. Сначала — нет.

Вера сунула свой телефон отцу.

— Меня просят отключить восточный сектор. Семь минут, с 23:55. Я там работаю, пап.

Это не «выключи лампочку».

— Ты не будешь.

— Спасибо за разрешение. Я и без него не собиралась.

Она забрала телефон. Миша прижал ракету к груди и положил ладонь на ухо, закрываясь от разговора.

Максим отвёл взгляд от дочери.

— Человек исчез. Пока я с ним говорил.

Он рассказал про Алексея. Старался ничего не пропустить: адрес, чашку, срок, пустую запись. Положил на кровать два листа — свой и Оксанин. На одном имени не было, на другом девушка записала лишь адрес, но почерки были разными.

Вера внимательно прочитала оба.

— Ты мог забыть, что не дописал имя.

— Я помню, как писал.

— Память может...

— Вера, мне сорок два, а не сто.

— Я не про возраст. Я про то, что мы все сейчас боимся и ничего не понимаем. Я тоже.

Посмотри на меня.

Он посмотрел. Она теребила край распечатки, и бумага уже была мягкой от её пальцев.

Максим хотел уйти на кухню, налить воды, несколько минут не отвечать никому. Миша схватил край его куртки.

— Ты опять уйдёшь?

— Нет.

— Даже если позвонят?

Максим достал телефон и положил его на кровать.

Анна сходила за водой. Вернулась с синей чашкой, которой всегда пользовался Миша. На ней была белая птица — рекламный подарок из магазина посуды. Максим уже слышал про такую чашку сегодня, но не стал ничего говорить. Две синие чашки в городе ещё ничего не доказывали.

Он всё-таки посмотрел на рисунок. Одно крыло вверх, второе стёрто посудомоечной машиной.

Миша сполз с кровати и взял чашку. Прижал к губам, не сделал глотка.

— Что будет, если не поедем?

— Пока не знаем, — сказала Анна. — Но просто забрать тебя оно не может.

— Откуда ты знаешь? — спросил Максим.

Она резко повернулась.

— А куда ты его собираешься везти?

— Я не собираюсь. Я спрашиваю.

— Ты так спрашиваешь, что уже хочется согласиться с тобой, лишь бы перестал.

Максим встал, потом сел обратно. Куртка мешала, и он наконец снял её. Под правым локтем оказалась школьная тетрадь. На обложке Миша нарисовал череп — чтобы никто не лез.

— Тогда говори, когда я так делаю.

— Я двадцать лет говорю.

Он услышал, как чашка стукнулась о край стола. Миша пытался поставить её, не отходя от кровати, и промахнулся. Максим рванулся поймать.

Чашка разбилась.

Анна подняла сына и усадила обратно, подальше от осколков. Вера принесла веник. Максим присел на корточки, собрал крупные куски в ладонь.

На внутренней стороне синей керамики проступали чёрные буквы. Он наклонил осколок. Они были не нарисованы: выступали из глазури и медленно складывались в слова.

ВРЕМЯ СОКРАЩЕНО.

Одновременно загорелись все экраны в квартире.

Теперь сообщения не прятались от чужих глаз. На телевизоре стояли четыре имени, рядом с каждым — его задание.

МАКСИМ СЕРГЕЕВИЧ ОРЛОВ:

В 23:40 ДОСТАВИТЬ МИХАИЛА ОРЛОВА НА ТРЕТЬЮ ПЛАТФОРМУ КУРСКОГО ВОКЗАЛА.

ДОЖДАТЬСЯ ПОЕЗДА БЕЗ НОМЕРА.

МИХАИЛ ДОЛЖЕН ВОЙТИ В ВАГОН ОДИН.

АННА ВИКТОРОВНА ОРЛОВА:

НЕ ПОЗВОЛЯТЬ МИХАИЛУ ПОКИДАТЬ КВАРТИРУ ДО 23:59.

ОБЕСПЕЧИТЬ ПРИСУТСТВИЕ МАКСИМА В КВАРТИРЕ В 23:59.

НЕ СООБЩАТЬ МАКСИМУ О ВТОРОМ УСЛОВИИ.

ВЕРА МАКСИМОВНА ОРЛОВА:

ОТКЛЮЧИТЬ ЭЛЕКТРОСНАБЖЕНИЕ ВОСТОЧНОГО СЕКТОРА В 23:55.

ДЛИТЕЛЬНОСТЬ ОТКЛЮЧЕНИЯ — НЕ МЕНЕЕ СЕМИ МИНУТ.

НЕ ПРЕДУПРЕЖДАТЬ ДИСПЕТЧЕРСКУЮ СЛУЖБУ.

МИХАИЛ ОРЛОВ:
ВОЙТИ В ПОЕЗД БЕЗ НОМЕРА.
НЕ ПОЗВОЛЯТЬ МАКСИМУ ВОЙТИ СЛЕДОМ.
ЕСЛИ МАКСИМ ВОЙДЁТ, В 23:55 ПОГИБНЕТ ВЕРА ОРЛОВА.
ЕСЛИ МАКСИМ УЗНАЕТ ПРАВДУ ДО ОТПРАВЛЕНИЯ ПОЕЗДА, МИХАИЛ ОРЛОВ
НИКОГДА НЕ РОДИТСЯ.

Следом возникло:

УСЛОВИЯ ЯВЛЯЮТСЯ ВЗАИМОИСКЛЮЧАЮЩИМИ.
РЕШЕНИЕ ДОЛЖНО БЫТЬ ПРИНЯТО СЕМЬЁЙ.
ДОПУСТИМЫХ ОТКЛОНЕНИЙ: 0.

Миша сидел с ногами на кровати. Вера остановилась с веником в дверях. Анна накрыла ракету ладонью, чтобы не соскользнула на пол.

— Оно требует невозможного, — сказала она.

На экране пошёл отсчёт: 01:26:16.

Было 22:12:44. До указанного времени прибытия оставалось на минуту больше.

Вера проверила часы на стене и телефон. Они совпадали.

— Считает до 23:39, а зовёт к 23:40, — сказала она. — Ещё и врёт во времени.

— Папа, — позвал Миша.

Максим поднялся и подошёл к нему.

— Ты знаешь, что делать?

Он мог ответить привычно: конечно, разберёмся. Сын ждал именно этого. Но Максим видел пустую строку над адресом, и на ладони у него лежали буквы, которых минуту назад не было.

— Нет. Пока нет.

Миша подтянул колени к животу. Максим сел рядом и не стал добавлять ничего утешительного.

На телевизоре появилась последняя строка:

ЕСЛИ ВЫ ОТКАЖЕТЕСЬ, СЛЕДУЮЩУЮ ИНСТРУКЦИЮ НЕ ПОЛУЧИТ НИКТО.

Глава 2. Другой исполнитель

— Выключите это, — попросил Миша.

Анна попробовала пульт. Потом повесила на телевизор плед, который лежал на полу. Экран продолжал просвечивать, зато теперь не нужно было видеть все слова.

— На кухню. Обуйся сначала, тут осколки.

Миша нашёл тапочки. Под одним застрял кусочек скотча; он долго пытался его оторвать. Максим терпеливо ждал у двери, хотя ещё вчера поднял бы сына на руки и перенёс.

На кухне Вера уже писала в его школьной тетради. На первой чистой странице поставила время и четыре имени.

— Давайте запишем, пока опять что-нибудь не изменилось. Я прочитаю, вы поправьте.

— Там запретили, — напомнил Миша.

Вера подвинула к нему пачку печенья.

— Да. И там предлагают отправить тебя неизвестно куда. Мне этого достаточно, чтобы не слушаться.

Максим убрал осколок чашки в кухонное полотенце. Собирался выбросить, но буквы всё ещё виднелись под глазурью. Он положил свёрток на стол, отдельно от еды.

— Я отказываюсь вести Мишу в вагон, — произнёс он. — Запиши полностью.

— Я никуда не войду, — сказал сын.

— Ты можешь вообще ничего не отвечать экрану, — сказала Анна. — Мы тебя не отдадим. Уговаривать тоже не будем.

Она села рядом. Вера передала ей карандаш и повернула тетрадь: перечитать своё условие. Анна поправила время. Максим проверил остальные задания и набрал Лаврова.

Связь работала.

— Домой доехал? — спросил Сергей.

Максим успел обрадоваться его голосу.

— Да. Дети со мной. Что с адресом?

— Наряд отправили. Не знаю, успели ли войти. Сейчас полгорода звонит: кому окно разбить, кому деньги перевести. Начальство просит отключить сервер.

— Не отключай запись.

— Я выдернул внешний кабель. Записи сохраняю отдельно. Твою тоже.

— Передай, что у нас угрозы семье. Несовершеннолетнему. Я написал всё на бумаге. Нужен человек, который придёт и увидит своими глазами.

— Передам. Только они не за три минуты прилетят.

— Знаю.

Максим включил громкую связь и назвал домашний адрес. Лавров повторил, записывая. На кухне слушали молча.

— Макс, там на пакете подпись есть, — добавил начальник смены. — Веденин. Техническая служба говорит: бывший подрядчик. Они сейчас проверяют, откуда оно отправилось.

Вера перестала писать.

— «Контур»? — спросила она.

— Ты знаешь?

— Видела в журнале старой телеметрии. Нас к нему не подпускают. Это не я ставила.

В трубке что-то загремело. Сергей сказал кому-то, что взять нужно все блоки, а не только один.

— Я перезвоню. Пока дверь никому не открывай.

Вызов оборвался. Максим положил телефон посреди стола.

— Слышали? Ждём дома.

Анна накрыла печенье блюдцем: Миша ел крошки, которые сыпались из пакета. Сын посмотрел на неё.

— А завтра я в школу пойду?

— Посмотрим утром.

— Без ракеты нельзя. Мне скажут, что я вообще не делал.

Максим взял мотор. Подцепил ногтем отошедший контакт. Миша тут же придвинулся.

— Мы же можем сейчас?

— Можем. Паяльник только...

На холодильнике, поверх магнитов, проступили слова. Не на дисплее — у этой модели его не было. Чёрные буквы появились на белой эмали.

ОТКАЗЫ ЗАРЕГИСТРИРОВАНЫ.

НЕИСПОЛНЕННЫЕ УСЛОВИЯ ПЕРЕДАЮТСЯ ДРУГИМ ИСПОЛНИТЕЛЯМ.

МАКСИМ ОРЛОВ — ДОСТАВИТЬ МИХАИЛА.

Максим встал между надписью и сыном.

— Никуда ты не поедешь с чужими, — сказала Анна, опережая его.

Ниже выдвинулась ещё одна строка:

ИСПОЛНИТЕЛЬ ПОДБИРАЕТСЯ ПО ДОСТУПУ.

Вера коснулась эмали тупым концом карандаша. След не стирался.

— Только что обещало, что никто ничего больше не получит.

— Так пусть не получает, — сказал Миша. — Зачем оно передумало?

Максим не ответил. В первый раз он почти поверил срокам, теперь видел, как правила меняют, едва люди отказываются их соблюдать.

В дверь позвонили.

Анна молча встала. Максим удержал её за запястье, отпустил и пошёл сам.

В глазок был виден Роман Климов. Их сосед через площадку, мастер из управляющей компании. Днём он ставил кому-то дверной доводчик; на рабочей куртке всё ещё висела бирка с чужой фамилией. В одной руке держал инструментальный чемодан, в другой — телефон.

— Ром?

— Открывай, поговорить надо.

— О чём?

Роман пригнул голову к двери.

— Мне велели забрать Мишку. И привезти на Курский. Третья платформа. Не пугайся только, я не забирать пришёл.

В прихожую подошла Анна. Максим оставил цепочку и открыл на несколько сантиметров.

— Чемодан зачем?

— Я с работы. Куда мне его, на лестнице бросить?

Роман поднял телефон. Текст на нём исчез, когда Максим попытался прочесть. Сосед ругнулся и отступил от двери.

— Вот. Нормально разговаривать нельзя. Сейчас прочту сам. «Передать ребёнка в вагон. Не допустить вмешательства взрослых». Вы мне сразу скажите: вы куда не собираетесь?

— Нет, — ответила Анна.

— Хорошо. На меня это сейчас свалили. Я скажу, что не буду. Но вы тут не одни оставайтесь.

— Мы и так не одни.

— Ты с сыном, а замок у вас один. Меня пугает, кто следующим придёт.

Максим посмотрел на чемодан. Роман заметил.

— Не буду я вам дверь ломать, идиот я, что ли?

Он поставил инструменты у своей квартиры и вернулся с пустыми руками. Анна вынула ключ из внутренней скважины.

— Что у тебя ещё?

Роман открыл сообщение. Нижняя строка успела смениться:

ПРЕДЫДУЩИЙ НЕЗАВЕРШЁННЫЙ ПЕРЕХОД: СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ ОРЛОВ.

— Вот это я уже видел, — сказал он. — Мать позвал, спросил: это отец Максима? Она аж села.

Максим упёрся ладонью в косяк.

— Что про него?

— У неё письмо. Сейчас.

Роман ушёл в свою квартиру. Сквозь открытую дверь Максим увидел телевизор с вечерним ток-шоу, костыль у стены и старую женщину в кресле. Сосед вернулся с пожелтевшим конвертом, вынутым из прозрачного пакета.

Максим уже снял цепочку, но Анна удержала дверь.

— Сначала конверт.

На нём был почерк отца. Последние буквы его имени всегда уползали вверх: «Максиму». В детстве он узнавал этот почерк по запискам с просьбой купить хлеб, и от этого простого слова сейчас захотелось проверить, сколько лет ему на самом деле.

Пятнадцать было, когда отец ушёл ночью и не вернулся. Он работал в железнодорожной аварийной службе. Сначала искали его на работе, потом звонили знакомым, потом пошли в полицию. Мать накрывала на троих ещё месяц. Максим стал сам убирать лишнюю тарелку.

В конверте лежал один лист, датированный четырнадцатым октября 1999 года.

«Макс. Меня вызвали к третьей платформе Курского вокзала. В 23:40 должен прийти поезд без номера. Распоряжение странное, мне не назвали дежурного. Если не вернусь, передайте это в милицию.

Если кто-нибудь будет требовать привести туда ребёнка, не соглашайся. Мне говорят, что это единственный способ спасти остальных. Я не знаю, кто эти остальные и почему ребёнок должен платить за них.

Я поеду проверить. Не говори матери, что ушёл от вас. Я не уходил».

Внизу отец приписал: «Расскажу утром».

Максим перечитал эти два слова. Вторая линия почерка была торопливее первой.

— Откуда? — спросил он.

Роман заглянул в свою квартиру, словно хотел, чтобы отвечала мать.

— Она была диспетчером на старой ветке. В ту смену работала. Твой отец ей оставил, потому что не сумел дозвониться домой. На другой день пришли двое. Без формы. Спросили, что он передал. Сказали, что за разглашение можно тоже попасть в список. Она спрятала.

— Двадцать семь лет?

Роман не стал оправдываться.

— Да.

— Я жил напротив тебя двенадцать лет. Ты ни разу...

— Я не знал про письмо. Мне она сегодня сказала.

Максим посмотрел на старую женщину за соседней дверью. Та отвернулась к телевизору. Он хотел зайти и спросить, каким человеком нужно быть, чтобы так долго хранить чужое утро. Анна коснулась его плеча.

— Макс. Потом.

Вера взяла письмо у него из руки.

— Оно старое. Но время то же самое.

Роман пробормотал:

— Поэтому я и пришёл, а не выключил телефон.

Анна пустила его в квартиру. Чемодан он забрал только по её разрешению и поставил у входа, не открывая.

На дисплее домофона загорелось:

ВЕРА ОРЛОВА. ПРОМЕЖУТОЧНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬ: ЕЛЕНА БЕЛЬСКАЯ.

Через секунду кто-то стукнул снаружи ладонью.

Роман вытянул руку поперёк прихожей.

— Стоять. Ещё одну мы не заказывали.

— Вера! — крикнула женщина. — Это я, Елена. Откройте.

Дочь замерла.

— Из соседнего отдела. Я её знаю.

Максим посмотрел в глазок. Женщина лет тридцати пяти стояла в расстёгнутом пуховике, с мокрыми волосами возле висков. В правой руке у неё был кухонный нож.

Он отступил.

— Нож положите.

— Я не собираюсь...

— Положите на пол. Отойдите.

Елена подняла свободную руку. На указательном пальце висела нитка от рукава.

— Мне нужно Веру на вокзал. До 23:40. Иначе...

— Нож, — повторил Максим.

Она присела, положила его на площадку. Вставала, опираясь на колено, и на секунду показалась гораздо старше. Роман вышел, убрал нож в инструментальный чемодан и оставил его в своей квартире.

Вера приоткрыла дверь.

— Лена, зачем ты это делаешь?

— Артём пропал. Был у Светы. Ему пришлось, а потом он пропал. Она говорит, его нет. Не понимает, как нет, я тоже не понимаю, я...

Елена облизала пересохшие губы.

— Оно пишет, что ты должна приехать. Живой. Если я привезу, мне скажут, где он. Мне не сказали, что тебе что-то сделают.

— Не сказали. А если делают?

— Ему девять, — произнесла Елена. — Девять лет. Я ничего другого не успела придумать.

Из кухни вышел Миша с ракетой. Увидел незнакомую женщину, остановился за Анной.

Елена посмотрела на него. Рука, которую она всё ещё держала поднятой, опустилась.

— Я бы не ударила, — сказала она тише.

— Но мы этого не знали, — ответила Вера.

Максим не предложил ей войти. Сначала попросил показать телефон и рассказать всё, что она получила. Елена отказалась читать последнюю угрозу при Мише. Анна увела сына на кухню; за закрытой дверью мальчик сразу стал спрашивать, кого потеряла эта женщина.

На телефоне Елены был билет. На нём — «АРТЁМ БЕЛЬСКИЙ», третья платформа, 23:40 и цифра 6. Поверх билета стояла команда доставить Веру живой. Последняя строчка гласила: «После передачи сообщим местонахождение Артёма».

— Вы к сестре ездили? — спросил Максим.

— Нет. Я позвонила. Потом поехала сюда.

— Позвоните ещё раз. На громкой связи.

Светлана ответила не сразу. Её голос срывался: она уже проверила двор, подъезд и все комнаты. Артём включил планшет, она вышла на кухню, через пять минут вернулась — мальчика нет. Куртка и обувь на месте. Дверь была заперта изнутри.

— В полицию сообщила? — спросила Елена.

— Сообщила. Сказали ждать. Где ты сама? Я тебя потом не могла набрать!

— У Веры.

— У какой Веры? Ты с ума сошла? Приезжай сюда.

Елена закрыла лицо ладонью. Максим попросил Светлану назвать адрес и повторил его. Записала Вера. Договорились, что сестра никому не откроет, кроме прибывшего наряда, и перезвонит, как только увидит Артёма.

После разговора Елена села на край обувной полки.

— Простите. Я правда не знала куда.

Вера стояла перед ней, сцепив руки за спиной.

— Я тебя простить сейчас не могу. Но найти Артёма помогу. Только не надо меня тащить.

— Не буду.

Анна вернулась в прихожую. Максим показал ей билет. Она выслушала пересказ Светланы и оглянулась на кухню: Миша опять возился с ракетой, бумага шуршала всякий раз, когда он переставлял её на столе.

Внизу запищал домофон. Не их вызов, длинный прерывистый сигнал из подъезда. На дисплее появилось ещё одно имя, которого никто из них не знал.

Роман прочитал:

— Следующий исполнитель. Доступ — служебный. Что за хрень...

Он выглянул в окно на лестнице. Во двор въехал чёрный автомобиль. Двое вышли, третий остался за рулём. Один из вышедших смотрел в телефон. Второй достал связку ключей.

— Полиция? — спросила Анна.

— Нет мигалок. Сейчас проверим.

Максим набрал Сергея. Тот ещё разговаривал с кем-то и попросил десять секунд, потом сказал: по угрозе Орловым никого пока не отправили. Наряд у Галины Мельниковой. Тот, кто приехал сейчас, был не от Лаврова.

Роман уже звонил своему дежурному.

— Ты аварийную к нам посылал? Нет? Слушай, замки сегодня кому-то выдавали?.. Понял.

Он закрыл дверь, повернул нижний ключ и объяснил: у управляющей компании пропала учётная карточка электронных допусков. Появился новый временный доступ на все технические входы их дома.

— Запирать можно, — сказал Роман. — Ждать, пока проверят оба замка, мне не нравится.

— Куда ты предлагаешь? — спросила Анна.

— У меня фургон за служебным выходом. А у матери номер человека с вокзала. Того, кто ещё при твоём отце там работал. Она ему уже позвонила.

— И что он сказал?

Роман протянул телефон. Старый записанный контакт: «Павел. Реле». Вызов был ещё открыт.

— Я слышу, — произнёс мужчина. — Вы на громкой?

Максим взял аппарат.

— Вы знали Сергея Орлова?

— Я был учеником электромеханика. Знал. Письмо у вас?

— Да.

— Тогда не отдавайте детей. На станции не подходите к поезду. Я встречу у служебного входа, оттуда можно выйти в общий зал. Там дежурная полиция и люди. С одним телефоном их не заставят забрать ребёнка.

— Почему вы не приедете сюда?

— Ногу повредил, не доберусь вовремя. И ключи от старого входа у меня здесь.

— Мы можем поехать просто в отдел.

— Можете. Я вас не останавливаю. Но этот поезд уже приходил. В полиции тогда сказали, что никакого поезда нет. Что было дальше, расскажу при встрече.

Роман опустил телефон. Со стороны лестницы послышался удар: кто-то с силой захлопнул нижнюю дверь.

Анна не стала ждать второго.

— Сначала в людное место, — сказала она Максиму. — Не к вагону. К людям и дежурным. Миша со мной, Вера рядом. Ты никуда один не отходишь.

— Хорошо.

— И никаких «я только посмотрю».

Максим кивнул. На часах было 22:27. Они быстро оделись. Анна проверяла шапку Миши, пока сын пытался спрятать ракету внутрь куртки; потом достала её и положила в пакет из-под хлеба. Свёрток с осколком чашки она убрала в сумку, подальше от телефона и еды. С тумбы забрала белый конверт. Вера засунула в рюкзак тетрадь, схему сети, зарядку и коробочку с лекарствами. Елена застёгивала пуховик со второй попытки.

Роман позвонил матери: они выйдут через чёрную лестницу, она останется у себя за закрытой дверью. Ещё раз велел не подходить к домофону.

Максим проверил телефон. На экране был только маршрут к вокзалу.

Миша протянул тетрадь и карандаш.

— Тут напиши.

— Что?

— Что я не хочу в поезд. А то потом скажут.

Максим написал его слова, дату и своё имя. Миша прочитал, забрал тетрадь. Вера положила её в рюкзак отдельно от схемы.

Они вышли через кухонную дверь на маленькую служебную лоджию, оттуда — на чёрную лестницу. Роман обслуживал этот проход и знал замок. В подъезде у лифта уже слышались голоса: кто-то спрашивал номер квартиры.

На первом этаже Анна остановилась, чтобы Миша застегнул куртку до конца. Максим хотел поторопить, но подождал. Сзади Елена дышала ему в затылок.

Снаружи шёл мелкий дождь. Фургон Романа стоял под фонарём, белый бок был серым от дорожной грязи. Два ряда пассажирских сидений и отдельный отсек с инструментами. Сосед распахнул заднюю дверь, заглянул, проверил фиксаторы лестницы.

— Пусто. Садимся, ремни пристегнуть.

Анна с Мишей села у левого окна. Максим и Вера — рядом. Елена заняла место возле водителя. Роман достал старую рацию, проверил батарею и передал Павлу, что выехали. Ему ответил короткий треск, затем голос: служебный въезд открыт, навигатор не использовать, ехать по обычным дорожным знакам.

В 22:31 фургон покинул двор.

Максим оглянулся. На площадке возле подъезда двое людей остановились под козырьком. Один поднял телефон к уху. Другой не смотрел на машину: читал экран домофона.

Последнее, что Максим успел увидеть через дождь, было собственное имя на маленьком белом дисплее.

Глава 3. Стук из багажника

Елена мешала Роману смотреть в правое зеркало. Она то отклонялась к стеклу, то опять поворачивалась к заднему ряду, будто Артём мог оказаться на одном из пустых сидений, пока она не видит.

— Пристегнись, — сказал Роман.

Она потянула ремень, промахнулась мимо замка. Со второй попытки получилось.

Со двора они выехали в половине одиннадцатого. Роман держал телефон в кармане и выбирал дорогу сам. На первом перекрёстке пришлось простоять два красных сигнала: поперёк улицы сдавал назад грузовик, а водитель легковушки упорно не давал ему закончить. Миша смотрел на них с заднего ряда. Там всё ещё происходили вещи, которые можно было понять.

— Мы надолго? — спросил он.

Максим поправил ремень у него на плече.

— Доедем, встретим человека. Дальше решим.

— У нас завтра конкурс. С ракетами.

— Я напишу классной, — сказала Анна.

— У тебя телефон работает?

Анна не ответила. Вера передала ей Мишину тетрадь из рюкзака. Анна открыла обложку с нарисованным черепом, проверила записанные инструкции и снова закрыла её. Из пакета возле колена сына торчал смятый нос ракеты. Маленький пропеллер зацепился за рукав Максима; тот освободил его и подвёл провода под край пакета, чтобы не оборвать второй контакт.

Вера сидела у другой двери. Несколько раз она пыталась дозвониться Илье и каждый раз смотрела на экран дольше, чем длился вызов.

Роман взял рацию с панели.

— Павел, Климов. Мы выехали. Канал тот, что ты сказал.

Рация зашипела. Из помех вынырнул мужской голос:

— Слышу. Встретимся у служебного въезда. Третья дверь от будки охраны, снаружи лампа.

— Артём у тебя? — сразу спросила Елена.

Роман передал ей рацию. Она нажала кнопку раньше, чем он успел объяснить.

— Девять лет. Зелёная толстовка. Вы его видели?

— Я слышал ребёнка на одной из линий. Сейчас там пусто.

— Что значит — слышал?

Связь оборвалась. Елена снова нажала кнопку, но получила только треск.

Максим не стал просить её успокоиться. На работе это слово редко помогало, а сейчас у него самого руки лежали на коленях так, будто их положил туда кто-то другой. Под курткой шуршало письмо отца. Он ещё не привык к тому, что письмо существует: можно было потрогать карман и обнаружить, что всё ему приснилось.

Первый удар донёсся сзади, когда фургон съехал с широкой дороги к складам.

— Чемодан не закрепил? — спросила Вера.

— Закрепил.

Роман сбросил скорость. Второй удар был тише, но теперь Максим услышал, как по металлу скользнули ногти.

Елена отстегнула ремень.

— Стой. Стой сейчас!

В 22:40 Роман прижал фургон к строительному забору. Елена уже лезла между сиденьями. Максим перехватил её за локоть: до багажного отсека из салона не добраться, между ними была перегородка.

— Снаружи. Я открою.

Анна вывела Мишу к забору, подальше от проезда. Вера встала рядом с ними, включила ручной фонарь. Пока Роман отпирал задние двери, Елена звала сына через металл.

За дверями были лестница, кабель и инструментальный ящик. Роман снял стяжку, вытянул лестницу на мокрый асфальт. Елена подхватила бухту. Она была тяжёлой; Елена уронила её себе на носок ботинка и даже не посмотрела вниз.

Под резиновым ковриком ещё раз стукнули.

Максим отогнул край. У стены появилась щель. Из неё пахнуло пылью и нагретым деревом, хотя пол был металлический, а дождь успел остудить машину.

— Здесь запаска? — спросил он.

— Запаска снизу.

Роман опустился на одно колено, посветил под кузов. Максим увидел отражение фонаря в луже и балку над ней. Между фургоном и дорогой едва хватило бы места для кошки.

Из щели сказали:

— Мам.

Елена сунула пальцы под край настила. Роман оттолкнул её руки и принёс из ящика плоскую отвёртку.

— Порежешься. Дай мне.

Металл приподнялся без усилия, будто его держала только краска. Вера передала фонарь Максиму. Луч упал на ступени, уходящие вниз; третья находилась ниже асфальта. На верхней сидел мальчик в зелёной толстовке. Одной рукой он закрывал глаза от света, другой держался за край пола.

Елена легла грудью на настил.

— Смотри на меня. Дай руку. Вторую тоже.

Артём тянулся к ней, но пальцы не доставали. Максим лёг рядом, взял мальчика под локоть. Роман придержал поднятый лист металла плечом. Под ними что-то скребло по лестнице, и Елена дёрнула сына слишком резко.

— Подожди, нога! — крикнул Артём.

Максим увидел мягкую домашнюю тапочку, зажатую между ступенью и стеной. Высвободил ступню; тапочка осталась внизу. Они вдвоём вытащили мальчика на пол, и Елена тут же села рядом, зажав его между коленями. Артём плакал без звука. Губы у него были белые, а ресницы слиплись от пыли.

Анна повернула Мишу к себе, но он успел увидеть ступени.

— Там ещё кто-нибудь есть?

Максим направил фонарь вниз. Свет дошёл до поворота. Дальше был тёмный проём, слишком широкий для фургона, и ровная стена со старой зелёной краской. Ни вещей, ни человека он не увидел.

— Я никого не вижу. Отойди к маме.

Артём закашлялся. Елена полезла ему в рот пальцем, и он отбил её руки.

— Пыль, — сказал он. — Там пыль.

Анна принесла воду, помогла снять толстовку. На виске была ссадина, на ноге — красная полоса от края ступени. Роман достал аптечку, но Елена выхватила салфетки сама. Она никак не могла оторваться от сына достаточно, чтобы открыть пакет. Анна надорвала край и подала ей.

— Руки-ноги чувствуешь? — спросил Максим.

Артём кивнул, потом поднял левую ступню.

— Тут больно.

Мальчик шевелил пальцами, дал осторожно коснуться щиколотки. Елена проверяла его снова и снова, пока Анна не положила ладонь ей на запястье.

— Хватит пока. Он отвечает. Дай ему подышать.

Из кармана толстовки выпал небольшой билет. Максим поднял его с дороги. На плотной серой бумаге были напечатаны имя Артёма, Курский вокзал, третья платформа, время 23:40 и шестой вагон. Даты не было.

— Это твоё?

Мальчик посмотрел на билет.

— Мне сказали взять.

— Кто?

— Мужчина. На экране.

Елена закрыла глаза, прижавшись лбом к его голове.

— У тёти был экран?

— Планшет. Там сказали открыть дверь. Я думал, ты приехала. Тётя ушла.

— Ты вышел в подъезд?

Артём начал кивать, потом остановился.

— Наверно. Там было темно. Он говорил, что поможет. Павел.

Роман поднял рацию, но Максим остановил его. Артём смотрел на взрослых, ожидая, что теперь ему скажут, что он сделал неправильно.

— Больше пока не спрашиваем, — сказал Максим. — Артём, ты с мамой. Никуда один не пойдёшь.

— Я и не хотел.

— Я понял.

Елена дозвонилась Светлане с Аннинного телефона. Из трубки донеслось сразу несколько вопросов; сестра всё ещё ждала наряд и не отходила от окна.

— Со мной. Нашёлся. Нет, я не могу объяснить... Не выходи, если кто-то позвонит. Сначала спроси меня. Я потом.

Она сбросила вызов и набрала скорую. Связь держалась, но диспетчер попросила уточнить место. Роман продиктовал улицу и ближайшее пересечение. Названия повторили дважды. Пока Елена говорила, Максим ещё раз заглянул в багажник.

Под фонарём лежал ровный пол. Отвёртка, которую оставил Роман, теперь оказалась между настилом и свёрнутым ковриком. Максим опустил на колени, постучал по тому месту костяшками. Обычный металл. Он вылез из машины и обошёл её кругом, чтобы не делать это ещё раз при Мише.

— Надо в больницу, — сказала Елена, убрав телефон. — Они приедут сюда. Подождём.

Роман посмотрел на тёмный проезд. За поворотом появились фары. Машина двигалась медленно, хотя впереди не было ни пешеходов, ни препятствий.

— Сядем сначала, — предложила Анна. — Он дрожит.

Артём не позволял поставить себя на землю. Елена держала его под коленями, но уже не могла поднять достаточно высоко, чтобы посадить в салон. Роман молча подставил руки. Она передала ему сына и сразу полезла следом.

Анна сняла свой шарф, завернула в него голую ступню мальчика. Елена попыталась помочь, слишком туго перетянула край.

— Больно, — сказал Артём.

Она отдернула руки.

— Прости. Я сейчас...

Анна расправила шарф, оставила его свободным и показала Елене, как придерживать снизу. Носок на второй ноге тоже был мокрый.

— Света обувь соберёт, — сказала Елена. — Позвоню, пусть привезёт.

Артём схватил её телефон.

— Не выключай.

Она хотела убрать аппарат в карман, но оставила в ладони сына. Набирала номер, не забирая у него телефон. Светлана услышала мальчика, и некоторое время в трубке было только её всхлипывание. Артём слушал, пока мать застёгивала на нём ремень. Теперь он сам держал застёжку и не позволял взрослым спешить.

Елена устроилась с Артёмом на задней скамье. Анна закрепила ремень на свободном месте рядом с ней. Миша вернулся к своему окну, Максим сел между детьми, а Вера перебралась вперёд. Из восьми мест одно оставалось пустым. Лестницу Роман задвинул в багажник, даже не закрепив.

Легковушка остановилась у поворота. Из неё вышел человек, прикладывая телефон к уху. Он смотрел в их сторону.

— Не скорая, — сказал Роман.

Максим записал в Мишиной тетради время, зелёную толстовку, ступени и билет. На слове «ступени» карандаш сломался. Вера протянула ему свой запасной, короткий, с обкусанным концом.

— Я тоже их видела, — сказала она.

Он оставил ей место для подписи. Остальных просить не стал: Елена застёгивала куртку на сыне, Анна пыталась передать диспетчеру, что место ожидания, возможно, придётся изменить.

Роман тронулся к освещённой улице. Легковушка поехала следом.

В 22:47 у путепровода их остановили двое мужчин.

Они выставили конусы, а чёрный универсал поставили наискось, оставив узкий проезд вдоль бетонного ограждения. Один держал красный жезл, второй стоял у пассажирской стороны. Ни мигалки, ни полицейской надписи Максим не увидел.

— Может, к нам? — сказала Елена. — Скорая передала полиции.

Роман остановился за несколько метров до конуса и приоткрыл окно.

Мужчина с жезлом наклонился к нему. Куртка была застёгнута до подбородка; на груди висела пластиковая карточка с надписью «КОНТУР».

— Двигатель выключить. Подтвердите наличие несовершеннолетних.

— Кто вы?

— Аварийная наблюдательная группа. Документы приготовьте. Детей передадите отдельно, взрослые останутся здесь для опроса.

Максим услышал, как Анна защёлкнула дверной фиксатор.

— Передадим кому? — спросил он.

Мужчина посмотрел поверх Романова плеча, затем достал сложенный лист. Поднёс к окну, но не отдал. Максим наклонился ближе. Вверху стояли дата и название распоряжения; ниже — «Михаил Максимович Орлов» и «Артём Бельский». Рядом с именами были пустые клетки для отметки о доставке. Внизу он прочёл фамилию подписанта: Веденин.

Сергей прочёл эту фамилию вслух, когда на компьютере Оксаны появился аварийный пакет «Контур». Максим тогда продолжал разговор с Алексеем. Он запомнил раздражённый голос начальника смены, а саму фамилию пропустил мимо ушей. Теперь она стояла под требованием забрать его сына.

— Я хочу прочитать, — сказал он.

Мужчина убрал лист.

— Выйдете и прочитаете.

— Мальчику нужна медицинская помощь, — вмешалась Елена. — Мы ждём скорую.

— Помощь окажут после передачи.

— Я поеду с ним.

— Сопровождение назначено.

Елена потянулась к двери. Максим успел взять её за рукав.

— Не открывай. Они уже знают его имя.

— Вы вызвали помощь, — сказал человек у окна. — Не задерживайте проверку. При отказе будет применено принудительное сопровождение.

Анна держала телефон низко, у колена. Максим увидел, что идёт запись, и мужчина тоже заметил её. Он обошёл кабину и ударил ладонью в боковое стекло.

— Аппарат выключить.

Его напарник потянул ручку сдвижной двери. Дверь осталась закрыта. Тогда он достал короткий металлический инструмент, вставил в направляющую и рванул. Послышался хруст; фиксатор удержал дверь, но между краями появилась щель.

Артём закричал. Елена навалилась на дверную ручку изнутри.

— Не трогайте!

Напарник просунул кисть в щель и зацепил её рукав. Максим ударил его руку вниз, прижал к раме. Мужчина выругался и схватил Максима за большой палец. Боль заставила того согнуться, но отпустить дверь он не мог. Чужой рукав зацепился за сломанную направляющую и разошёлся по шву.

Роман включил заднюю передачу.

— Все держитесь. Лен, убери локоть!

Фургон отскочил назад. Человек у двери пробежал за ним два шага, отпустил рукав и сел на асфальт. Максим увидел это через щель и только тогда разжал пальцы.

Мужчина с жезлом побежал к универсалу. Роман вывернул руль, сдал ещё немного и направил фургон в оставленный проезд. Правое зеркало ударилось о бетонный столбик. Стекло брызнуло на капот, конус ушёл под колесо. Анна прижала голову Миши к своему плечу; Елена закрыла Артёма обеими руками.

За путепроводом Роман не стал разгоняться. Впереди был слепой поворот, а зеркало теперь болталось на проводе. Вера оглянулась через спинку.

— Один сел за руль. Второго подбирает.

Роман нажал кнопку рации.

— Павел, на дороге пост. «Контур». Требовали детей.

— Где?

Роман назвал путепровод.

— Не возвращайтесь к нему. Они получили вашу машину по камере. До въезда доберётесь через складскую улицу?

— Попробуем.

— Я открою пешеходную дверь. Фургон туда не влезет.

Роман свернул у рекламного щита к своему ремонтному складу.

— Здесь я работаю. Вера, фонарь бери.

Он остановил машину поперёк въезда и побежал к калитке в воротах. Первый ключ не подошёл. Второй он уронил. Максим вышел следом, но Роман уже поднял связку и отпер замок.

— Ворота держи! Я заведу.

Максим распахнул створку, пропустил фургон и потянул её обратно. В конце улицы блеснули фары универсала. Цепь никак не попадала в скобу; ушибленный палец распухал, и Максим не мог нормально согнуть кисть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.